

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Пирумшоева Мунира Хайдаршоевича на тему «Историография древней, средневековой и новой истории Памира и Бадахшана», представленную на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5 - историография, источниковедение и методы исторического исследования

Диссертационная работа Пирумшоева М.Х. посвящена одной из актуальнейших и наименее разработанных проблем отечественной историографии – комплексному историографическому анализу древней, средневековой и новой истории Памира и Бадахшана. В условиях глобализации и усиления геополитического значения Центрально-Азиатского региона, всестороннее и глубокое осмысление проблемы призвано стать неотъемлемой частью процесса формирования национального самосознания и сохранения исторического наследия.

Актуальность представленного диссертационного исследования обусловлена как внутренней научной логикой развития историографии, так и более широкими общественно-культурными и геополитическими факторами, определяющими интерес к региональной исторической памяти и реконструкции забытых или маргинализированных нарративов. Прежде всего, научная актуальность работы заключается в том, что историография Памира и Бадахшана до настоящего времени оставалась преимущественно фрагментарной, эпизодически описанной и концептуально не оформленной. Несмотря на существование отдельных работ по различным эпохам и авторам, не было предпринято попытки целостного, диахронного и системного анализа историографического отражения региона. Диссертация Пирумшоева М.Х. впервые восполняет эту лакуну, формируя сквозной взгляд на развитие исторического знания о Памире — от античности до XX века, — с чётким пониманием логики, этапов, источниковых массивов и интеллектуальных парадигм.

Геополитическая и культурная актуальность исследования обусловлена ростом интереса к региональным историям как инструментам формирования устойчивой национальной идентичности. Памир и Бадахшан — это не только географически удалённые высокогорные территории, но и уникальные культурно-исторические пространства, сыгравшие ключевую роль в становлении таджикской цивилизации и международных связей Центральной Азии. В условиях поиска новых подходов к анализу национального и регионального развития данное исследование становится востребованным источником концептуального осмысления прошлого.

Памир и Бадахшан на протяжении всей своей истории были ареной пересечения различных цивилизаций, культур и народов. Благодаря своему уникальному географическому положению, самобытной культуре и богатой, зачастую драматической истории этот высокогорный регион всегда притягивал внимание исследователей. В следствие чего, изучение историографии региона позволяет не только выявить степень разработанности отдельных проблем, но и проанализировать, как менялось восприятие и интерпретация исторических событий в зависимости от политических, идеологических и научных контекстов различных эпох.

Кроме того, актуальность усиливается тем, что историография как наука сегодня переживает процесс глубокого методологического переосмысления. Новые исследовательские парадигмы — постколониальная критика, историческая антропология, микроистория, нарративный анализ — требуют обращения к тем зонам исторического знания, которые ранее оставались за пределами академического внимания или были интерпретированы в рамках имперских, редукционистских или идеологически обусловленных подходов. В этом контексте настоящее исследование отвечает текущим вызовам исторической науки, предлагая рефлексивную, критическую и включённую в международный научный диалог интерпретацию регионального историографического наследия.

Наконец, практическая актуальность работы заключается в её прикладном потенциале: Её результаты могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории таджикского народа, а также по истории Центральной Азии в целом. Полученные научные результаты способны стимулировать проведение новых междисциплинарных исследований, объединяющих усилия историков, археологов, этнографов, лингвистов и других специалистов. Они эффективны при разработке и преподавании курсов по историографии, источниковедению, истории Таджикистана и Центральной Азии в высших учебных заведениях, в деятельности архивных, музейных и просветительских учреждений. Материалы исследования могут быть полезны для государственных структур и общественных организаций, занимающихся вопросами сохранения культурного наследия, развития туризма и международного сотрудничества в Центральноазиатском регионе. Результаты исследования вносят вклад в формирование и укрепление государственной политики в области исторической памяти и культурного наследия, национального самосознания таджикского народа, поскольку позволяют более глубоко понять его исторические корни и вклад в мировую цивилизацию.

В условиях активизации попыток искажения истории некоторыми политическими и научными кругами, обстоятельное историографическое

осмысление темы выступает в качестве важного инструмента для противодействия попыткам фальсификации истории, территориальных притязаний и сохранения объективной исторической памяти.

Таким образом, высокая научная, культурно-политическая и образовательная значимость тематики, наряду с методологической и содержательной новизной подхода, делает исследование Пирумшоева М. Х. своевременным и научно обоснованным ответом на актуальные запросы современной исторической науки и общества.

Автор чётко формулирует цель диссертационного исследования: осуществление комплексного историографического анализа древней, средневековой и новой истории Памира и Бадахшана на основе широкого круга отечественных и зарубежных источников и исследований, выявление основных этапов, направлений, а также постановка исследовательских проблем в изучении истории региона. Определённые диссертантом цель и задачи полностью соответствуют выбранной теме и позволяют раскрыть её во всей полноте, обеспечивая комплексный и системный подход к изучению историографии Памира и Бадахшана.

Диссертация Пирумшоева М.Х. обладает выраженной научной новизной:

1. Впервые в отечественной и региональной историографии осуществлено многогранное, диахронное и критическое осмысление эволюции исторического знания о Памире и Бадахшане в пределах хронологического отрезка от античности до начала XX века. Диссертация предлагает оригинальную историографическую модель, в рамках которой прослеживается не только трансформация научных представлений о регионе, но и смена интеллектуальных парадигм, идеологических установок и дискурсивных стратегий их репрезентации. Это делает исследование актуальным вкладом в развитие метатеоретических основ историографии как науки и может быть использовано как методологический ориентир для аналогичных региональных и сравнительных исследований.

2. Диссертантом проделана колоссальная работа по анализу историографической базы, представленной в диссертации. Он не просто перечисляет работы, но и осуществляет их критический анализ, выявляя сильные и слабые стороны, идеологические и методологические подходы, характерные для различных исторических периодов, вклад каждого исследователя в изучение истории Памира и Бадахшана.

3. Автором проведена глубокая систематизация и классификация огромного массива источников. В научный оборот введён новый источниковедческий материал — рукописные и малодоступные тексты восточной, российской и европейской традиций, материалы архивных фондов,

этнографических и полевых свидетельств, что не только расширяет источниковую базу по региону, но и позволяет выявить новые подходы к её интерпретации с опорой на современную теорию исторического знания.

4. Исследователем предложена и обоснована периодизация историографии Памира и Бадахшана, отражающая основные тенденции и особенности развития научного знания о регионе в различные исторические эпохи. Это обусловило выявление основных этапов, направления и проблематики в изучении региона, а также определить вклад различных научных школ и отдельных исследователей.

5. В результате проведённого анализа диссертант идентифицировал малоизученные аспекты и выявил «белые пятна» в историографии Памира и Бадахшана, что открывает новые перспективы для дальнейших научных изысканий и стимулирует развитие памироведения.

Практическая значимость диссертации также не вызывает сомнений. Её результаты могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории таджикского народа, а также по истории Центральной Азии в целом. Полученные научные выводы способны стимулировать проведение новых междисциплинарных исследований, объединяющих усилия историков, археологов, этнографов, лингвистов и других специалистов. Они эффективны при разработке и преподавании курсов по историографии, источниковедению, истории Таджикистана и Центральной Азии в высших учебных заведениях. Материалы исследования могут быть полезны для государственных структур и общественных организаций, занимающихся вопросами сохранения культурного наследия, развития туризма и международного сотрудничества в Центральноазиатском регионе. Результаты исследования вносят вклад в формирование и укрепление национального самосознания таджикского народа, поскольку позволяют более глубоко понять его исторические корни и вклад в мировую цивилизацию.

Важно подчеркнуть, что выводы и подходы, разработанные в диссертации, могут быть транслированы на исследование других малых регионов со сложной исторической и этнокультурной структурой, в том числе в пределах постсоветского и мусульманского мира.

Итак, представленное исследование обладает ярко выраженной прикладной и теоретической значимостью, способно внести весомый вклад в развитие как национальной исторической науки, так и шире — в формирование современных подходов к изучению региональных историографий.

Достоверность результатов, представленных в исследовании обеспечивается рядом взаимосвязанных факторов, соответствующих современным требованиям академической историографии и источниковедения.

Прежде всего, высокая степень достоверности вытекает из впечатляющего объёма и качества привлечённого источникового материала, охватывающего широкий хронологический спектр — от античных и средневековых текстов до архивных документов XIX – начала XX вв. Автор основывает свои выводы на анализе разнообразных по происхождению и типологии источников: восточных хроник, арабо-персидских и китайских географических сочинений, европейских и российских путевых записок, военно-статистических отчётов, этнографических сборников, архивных фондов, а также современной историографической литературы. Каждая из использованных групп источников подвергается критическому анализу на предмет авторства, происхождения, контекста создания и степени достоверности, что соответствует стандартам академической источниковедческой критики.

Во-вторых, достоверность результатов обеспечивается методологической обоснованностью и прозрачностью аналитических процедур. Автор не только декларирует использование сравнительно-исторического, источниковедческого и герменевтического методов, но и последовательно реализует их на всех этапах исследования, обеспечивая воспроизводимость и логическую верификацию выводов. Результаты исследования вытекают не из субъективной интерпретации, а из строго аргументированных сравнений, семантических анализов, контекстуализаций и сопоставлений источников различных эпох, культуры и идеологических ориентаций.

В-третьих, заслуживает доверия и внутренняя согласованность структуры исследования: диссертация построена последовательно, логично, главы органично взаимосвязаны, переходы между периодами и тематиками обоснованы как хронологически, так и содержательно. Отсутствие противоречий между частными и обобщающими выводами, согласованность понятийного аппарата, строгая научная аргументация в формулировках подтверждают надёжность представленных результатов.

Дополнительным аргументом в пользу достоверности является и широкое цитирование научной литературы и источников на разных языках — таджикском, персидском, русском, английском, арабском, что подтверждает высокий уровень научной компетентности диссертанта и отсутствие ограниченности в выборе материалов.

Наконец, результаты исследования прошли апробацию в рамках крупных научных форумов, конференций, а также через публикации в рецензируемых академических изданиях, что подтверждает их признание в научном сообществе и устойчивость полученных выводов.

Итак, диссертационное исследование заслуживает доверия как в методологическом, так и в источниковом и теоретическом отношении, а представленные в нём результаты обоснованы, аргументированы и воспроизводимы в рамках академической науки.

Диссертационная работа представляет собой результат глубоко самостоятельного, многолетнего и научно зрелого исследования, выполненного на стыке историографии, источниковедения, интеллектуальной истории и регионалистики. Личный вклад автора в разработку заявленной научной проблемы чётко прослеживается на всех этапах работы — от концептуального замысла до системной реализации научных задач и формулировки выводов, обладающих как новизной, так и значительной научной ценностью.

Прежде всего, автором самостоятельно: сформулирована оригинальная научная проблема, суть которой заключается в необходимости системного, сквозного и критического анализа исторического знания о Памире и Бадахшане как целостной историографической традиции в пространственно-временной динамике от древности до начала XX века; разработана структура и концептуальная модель исследования, охватывающая пять этапов историографического процесса, каждый из которых раскрывается через комплексный анализ источников, научных подходов и идеологических контекстов формирования исторических нарративов; впервые введён в научный оборот ряд редких источников (рукописных и печатных), полученных из архивных, музейных и частных коллекций, а также осуществлён их аналитический, сравнительно-критический и герменевтический разбор с привлечением оригиналов и переводов на различных языках (арабский, персидский, китайский, английский, русский); предложен авторский инструментарий историографической классификации, где Памир рассматривается как объект трансквицизационного нарратива, преломляющегося через призму различных культурных и политических парадигм — от сакрально-географической до геополитической и постколониальной; выявлены и научно обоснованы механизмы формирования устойчивых историографических стереотипов и колониальных моделей восприятия региона, что стало значительным вкладом в деколонизацию исторического знания о Центральной Азии; разработана типология историографических этапов, включающая анализ эпистемологических оснований и дискурсивных стратегий, что позволило автору выйти за рамки традиционного описательного обзора и предложить интерпретацию истории как формы власти, знания и идентичности.

Также стоит отметить высокий уровень самостоятельности автора в подборе, структурировании и критической интерпретации материала, а также

его способность вести академический диалог с существующей научной литературой — как региональной, так и международной.

Итак, личный вклад Пирумшоева М.Х. в разработку научной проблемы выражается в постановке новой исследовательской задачи, формировании оригинальной методологической рамки, привлечении уникального источникового материала и создании самостоятельного историографического нарратива, отвечающего критериям подлинно докторского исследования.

Диссертация имеет логичную и продуманную структуру, которая полностью соответствует поставленным целям и задачам исследования и позволяет автору последовательно и всесторонне рассмотреть проблему, обеспечивая логическую связь между разделами и полноту изложения материала. Работа состоит из пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы, что свидетельствует о системном подходе автора к изложению материала и его стремлении к всестороннему охвату проблемы.

Введение (стр. 4–29) демонстрирует осознанный и теоретически выверенный подход к формированию проблемного поля исследования. Автор не только обозначает лакуны в историографии, но и методологически выстраивает структуру анализа в соответствии с Концепцией исследования истории таджикского народа (стр. 8). Такая научная позиция свидетельствует о понимании диссертантом актуальности научной задачи в контексте современных требований к исторической науке.

Основные идеи исследования чётко сформулированы в разделах, посвящённых цели и задачам работы (стр. 15–16), а также в части о научной новизне (стр. 17–19). К числу наиболее существенных положений относятся: необходимость объективного историографического анализа всего комплекса источников по Памиру и Бадахшану; рассмотрение геополитических контекстов формирования историографии (особенно в главах IV–V); стремление автора показать эволюцию научных подходов к Памиру как к уникальному региону, стоящему у истоков таджикской цивилизации.

Аргументация собственных выводов осуществляется последовательно и с привлечением широчайшего круга источников. В частности, в первой главе «Древний Памир в источниках и исторических исследованиях» (стр. 30–98) диссертант убедительно демонстрирует, что формирование представлений о Памире в трудах античных, китайских и арабских авторов происходило в условиях неоднозначной геополитической и культурной динамики. Авторская позиция относительно арийского происхождения населения региона (стр. 68–82) построена на сопоставлении археологических, антропологических и текстовых источников, что придаёт исследованию междисциплинарный характер и повышает достоверность выводов. Исследователь демонстрирует, как

формировались первые научные представления о регионе. Он выделяет несколько ключевых направлений исследования: определение географических и этнокультурных границ региона, археологические и текстовые свидетельства о заселении территории, а также научные дискуссии по поводу арийского происхождения памирцев. Например, он критически рассматривает труды А. Гумбольдта, Дж. Вуда, Г. Юля, В.В. Григорьева, И.П. Минаева, В.В. Бартольда и других исследователей, сопоставляя их выводы о границах и географических реалиях Памира (стр. 33–45).

Важным научным достижением является систематизация данных об этимологии названия «Памир», где автор делает вывод, что в историографической литературе до сих пор нет единой позиции (стр. 35–38). В результате сравнительного анализа автор выдвигает собственную интерпретацию, согласно которой Памир — это не только географическое понятие, но и историко-культурное пространство, формировавшееся в междоцивилизационном взаимодействии. Диссертант верно указывает на методологическую ограниченность ряда ранних работ, не учитывающих историко-культурный контекст и внутреннюю динамику развития памирских сообществ. Он корректно отмечает, что отсутствие обобщающих синтезов по теме делает особенно значимым историографический разбор накопленного материала (стр. 46–54).

Один из наиболее интересных и теоретически насыщенных разделов главы, посвящён проблеме арийского происхождения памирцев в отечественной и зарубежной историографии (стр. 68–82). Здесь автор критически анализирует различные точки зрения, включая взгляды А.М. Мандельштама, Б.А. Литвинского, А.Н. Бернштама, а также современных зарубежных авторов. В центре внимания — вопрос о том, насколько допустимо отождествлять древние ираноязычные народы с современным населением Памира. Автор опирается как на данные антропологии и археологии, так и на интерпретации лингвистического характера. В результате он делает обоснованный вывод о принадлежности памирских народов к древней индоиранской (арийской) общности, подчёркивая необходимость дальнейших комплексных исследований (стр. 74–77).

В главе на основе текстов античных и китайских авторов (Геродот, Страбон, Сюань Цзан и др.), а также работ востоковедов (Бартольд, Мандельштам), диссертант реконструирует основные черты хозяйственной жизни, включая земледелие, скотоводство, обмен и транзитные функции. Отдельное место в разделе занимает анализ роли Памира в трансасиатских связях, особенно в контексте Великого шёлкового пути (стр. 92–98). Автор подчёркивает, что несмотря на географическую обособленность, Памир не был

изолированной культурной зоной, а наоборот, интегрировался в широчайшие геополитические, торгово-экономические и религиозные процессы.

Итак, первая глава диссертации характеризуется высокой степенью научной проработанности и комплексным подходом к историографическому анализу. Диссертант демонстрирует: глубокое знание как отечественной, так и зарубежной литературы; критичность мышления при оценке устоявшихся научных положений; умение структурировать массив информации и делать на его основе обоснованные выводы. Глава не только раскрывает степень изученности древнего Памира, но и представляет авторскую концепцию о формировании историко-культурного ландшафта региона как элемента таджикской цивилизации. Структура главы, логика анализа и убедительная аргументация позволяют рассматривать её как образец историографического подхода в рамках крупного научного исследования.

Во второй главе «Историография раннесредневекового Памира и Бадахшана (III–VIII вв.)» (стр. 99–132) заслуживает внимания аргументация, касающаяся степени политической автономии Памира в раннесредневековый период. Исследователь, демонстрируя не только способность критически анализировать источники, но и формулировать альтернативные, обоснованные научные оценки, подчёркивает, что как отечественные, так и зарубежные авторы нередко упрощают или искажают особенности политико-территориального устройства региона. Заслуживает внимания анализ того, как различные исследователи — от В.В. Бартольда до современных историков (Н.Н. Негматов, Х. Пирумшоев) — трактуют раннесредневековую политическую картину региона. Автор демонстрирует, что интерпретации зачастую зависят от идейно-методологических подходов и степени введения источников в научный оборот.

Диссертант тщательно проанализировал и сопоставил сведения о политических процессах, происходивших в регионе после распада Кушанской империи. Особое внимание уделено роли так называемых «малых горных государств» и формированию локальных политических центров на территории современного Памира. На основе источников китайского (Сюань Цзан, Ли Яншоу), арабского и персидского происхождения, а также археологических данных, автор аргументировано делает вывод о частичной автономии региона, подчёркивая его пограничное положение между иранским и тюркским мирами (стр. 107–111). Особенно ценно то, что исследователь не ограничивается простым описанием исторических реалий, а выявляет характер освещения этих процессов в различных историографических традициях — китайской, арабо-персидской и российской дореволюционной.

Особо значимым аспектом данного раздела является анализ влияния внешнеполитических акторов на ситуацию в регионе — в частности, вторжений тюркских и арабских племён. На основе сведений из трудов аль-Мукаддаси, Истахри, Ибн Хаукаля, а также китайских хроник, автор воссоздаёт сложную картину политических реалий Памира VII–VIII вв., показав, что регион оказался ареной соперничества между Тюркским каганатом, Сасанидским Ираном, а позднее — Арабским халифатом (стр. 114–117).

Диссертант подчёркивает, что исследовательская литература по этому периоду в отечественной историографии недостаточно систематизирована, а оценка степени вовлечённости Памира в трансгосударственные процессы часто носит фрагментарный характер. В этой связи он делает ценное историографическое замечание о необходимости пересмотра ряда оценок, устоявшихся в советской исторической науке (стр. 124).

Подраздел главы, посвящённый изучению вопроса о степени освещения социально-экономического положения раннесредневекового Памира и Бадахшана (стр. 124–132), отличается глубиной анализа источников, связанных с внутренней жизнью населения региона в исследуемую эпоху. Автор рассматривает труднодоступные свидетельства по вопросам быта, хозяйства, торговли и межрегиональных коммуникаций. Привлекаются данные археологических раскопок, этнографические реконструкции и косвенные упоминания в китайских и арабских текстах. Диссертант подчёркивает, что научная литература по этой проблематике крайне ограничена, и обращает внимание на необходимость комплексного подхода при изучении социально-экономической структуры региона. Он аргументировано доказывает, что Памир в указанный период играл важную транзитную роль в региональной торговле между Восточной и Средней Азией, несмотря на отсутствие централизованных форм государственности (стр. 127–130).

Научным вкладом автора является не только систематизация накопленных знаний, но и демонстрация того, как фрагментарные сведения о хозяйственной жизни Памира отражались в разрозненной историографической традиции. Тем самым, он подчёркивает значимость целенаправленного включения социально-экономической проблематики в исследования по истории региона.

Итак, вторая глава представляет собой важный фрагмент диссертационного исследования, демонстрирующий зрелость научного мышления автора. К числу её сильных сторон относятся: комплексный охват раннесредневекового периода через призму политической и социально-экономической истории; сопоставительный анализ мнений различных исследователей, от дореволюционных российских востоковедов до

современных таджикских историков; выявление лакун и методологических ограничений в историографическом освещении проблемы. Автор проявляет глубокое знание источников, аналитическую дисциплину и умение аргументировать собственную позицию на основе широкого круга литературных и археологических данных. Это придаёт исследованию не только научную значимость, но и делает главу II важным вкладом в формирование целостного историографического дискурса о Памире и Бадахшане в раннем средневековье.

Третья глава «Памир и Бадахшан IX–XV вв. в средневековых сочинениях и исследованиях востоковедов» (стр. 133–183) представляет собой важное звено в структуре диссертации и охватывает один из наименее системно изученных периодов в историографии Памира и Бадахшана — эпоху IX–XV вв., ознаменованную сменой ряда доминирующих династий: от Саманидов и Газневидов до монгольского ига и власти Тимуридов. Основное внимание в главе уделяется анализу того, как данные события и процессы отражались в средневековых нарративных источниках и как они были интерпретированы в трудах востоковедов.

На основании анализа памятников исторической литературы — прежде всего арабо-персидских хроник (Ибн Хаукаль, Истахри, аль-Мукаддаси, Худуд ал-‘Алам) — диссертант выявляет, что Саманидская эпоха представлена в источниках достаточно фрагментарно, однако содержит ряд значимых упоминаний о Памире как периферийной, но стратегически важной области (стр. 135–138). Автор подчёркивает, что в сочинениях саманидского и постсаманидского времени Памир часто фигурирует как приграничное пространство, играющее важную роль в охране торговых путей и в поддержании связи с восточными рубежами мусульманского мира (стр. 139–146).

Историографический анализ дополняется привлечением советских и современных востоковедческих работ (В.В. Бартольд, С. Абдуллоев, Н.Н. Негматов и др.), в которых автор выявляет тенденции к избыточному акценту на центрах государственности (например, Бухаре и Самарканде) при недостаточной проработке периферийных территорий. Этот критический подход позволяет ему справедливо утверждать, что Памир и Бадахшан незаслуженно оставались на периферии научного интереса (стр. 144–146).

В данной главе автор реконструирует фрагментированную картину политического управления в Памире в условиях распада саманидского государства и формирования локальных форм династического управления. Используя сочинения аль-Бируни, Джувейни, ан-Насави и др., диссертант утверждает, что регион в этот период сохранял автономные формы власти,

находясь под номинальным влиянием более могущественных центров (стр. 150–152).

Историографически ценной является попытка диссертанта выделить среди востоковедов тех, кто занимался данной эпохой системно, — в частности, А.М. Беленицкого, В.М. Массона, А.Ю. Якубовского — и тех, кто упоминал её лишь фрагментарно (стр. 154–157). Тем самым, автор не просто классифицирует литературу, а показывает степень её аналитической продуктивности.

На основе анализа сочинений Джувейни, Рашид ад-дина, Ибн ал-Асира и ряда позднейших летописцев автор справедливо отмечает, что Памир и Бадахшан в период владычества монголов в Средней Азии (начало XIII – первая половина XIV вв.), подверглись разрушительным вторжениям и утратили многие элементы организованной социально-экономической жизни (стр. 160–162). В контексте данного вопроса существенным вкладом в историографию является вывод диссертанта о том, что в период монгольского господства источниковая база по Памиру обеднела, а последующие авторы зачастую воспроизводили стереотипные или вторичные сведения.

Историографическая оценка трудов советской школы востоковедения, в частности А.Ю. Якубовского и Н. Махмудова, подчёркивает их вклад в анализ аграрной и налоговой политики монголов, но при этом фиксируется недостаток региональной детализации по Памиру (стр. 163–165). Исследователь акцентирует необходимость переосмысления роли монгольского периода не только как фазы упадка, но и как переходного этапа к консолидации внутренних структур в регионе.

Автор, исследуя исторические источники, отражающие эпоху Тимуридов анализирует труды Шараф ад-Дина Йезди, Мирхонда, Хондемира, Наршахи и других, отмечая, что Памир в них представлен крайне эпизодически. Этот факт он объясняет не только географической удалённостью региона от основных политических центров, но и устоявшейся тенденцией историков к фокусировке на династической истории крупных центров (стр. 172–173). Диссертант справедливо утверждает, что лишь советские востоковеды (В.А. Ромодин, Б.Г. Гафуров, В.М. Массон и др.) в своих трудах начали придавать Памиру значение как объекту историко-культурного анализа (стр. 174–179). Он делает вывод о необходимости более глубокого включения региона в общую картину истории Тимуридской эпохи.

Итак, глава III является концептуально насыщенной и историографически ценной частью диссертации. Она отличается: широкой источниковой базой (включающей арабские, персидские и европейские тексты), критическим анализом и сопоставлением оценок авторов разных эпох и научных школ,

выявлением историографических лакун и предложением направлений для дальнейшего исследования. Автор демонстрирует высокий уровень компетентности в работе с трудными и неоднородными источниками, обоснованно формулирует авторские позиции и логично выстраивает свои аргументы. Его подход отличается методологической строгостью, вниманием к хронологическим и географическим деталям, а также стремлением интегрировать региональный материал в общую историографическую структуру истории таджикского народа.

В четвёртой главе «Историография истории позднесредневекового Памира и Бадахшана (XVI – середина XIX вв.)» (стр. 184–246) исследование построено на всестороннем изучении восточных хроник, трудов мусульманских авторов, путевых записок, а также ранних этнографических и картографических материалов, что придаёт работе междисциплинарный характер. Раздел представляет собой содержательный и обоснованный анализ историографического наследия, посвящённого Памиру и Бадахшану в один из наиболее малоизученных периодов — между падением империи Тимуридов и началом активного вторжения Российской империи в регион. Здесь автор аргументировано отмечает, что источниковая база по указанному периоду скудна и носит преимущественно эпизодический характер. В связи с этим ценность приобретают любые упоминания о Памире и Бадахшане в таких сочинениях, как «Абдуллонома» Хафиза Таныш Бухари, «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммад Хайдара, «Таърихи Санглух» и других региональных хрониках. Диссертант показывает, что, несмотря на ограниченность и фрагментарность сведений, эти источники позволяют воссоздать важнейшие элементы политической культуры, родоплеменных отношений, а также структуры власти в регионе (стр. 188–193). Исследователь указывает, что в трудах этого периода часто используется терминология, отражающая сакрализованную природу власти местных эмиров, что говорит о сохранении архаичных институтов управления (стр. 190–191). С точки зрения историографии, значительным вкладом диссертанта является систематизация разбросанных сведений из различных источников, ранее анализировавшихся преимущественно в рамках более общих политических или династических историй. Автор делает акцент на недостаточной изученности этой группы текстов и подчёркивает необходимость их введения в научный оборот.

Особую ценность представляет рассмотрение в диссертации трудов путешественников и миссионеров, таких как Джон Вуд, Георг Валлих, Джозеф Уолкер и других. Автор справедливо указывает, что их труды, хоть и не являются строго историческими, тем не менее, содержат важные этнографические, топографические и социально-экономические наблюдения

(стр. 204–212). Диссертант демонстрирует, что в этих описаниях — особенно в английских источниках начала XIX века — фиксируются явления, связанные с деградацией политических структур в Бадахшане, усилением зависимости от Кабула и Бухары, а также ослаблением родоплеменной автономии (стр. 210–214).

Диссертант грамотно применяет сравнительно-исторический метод: он не только приводит сведения из путевых описаний, но и сопоставляет их с поздними восточными источниками и советской историографией, анализируя степень достоверности и возможные искажения (стр. 216–218). Особенно интересны его размышления о влиянии британской колониальной оптики на восприятие памирской реальности.

Автор на основе военно-географических описаний и ранних картографических источников справедливо замечает, что именно в этот период Памир начинает попадать в поле внимания не только путешественников, но и дипломатов, топографов и военных разведчиков Российской и Британской империй (стр. 224–229). Исследователь обращается к уникальным материалам российских архивов — в частности, к донесениям Генерального штаба, отчётам Полевого географического корпуса и публикациям в «Военно-статистическом сборнике». Он демонстрирует, как политико-стратегические интересы влияли на картографическое и этнографическое описание региона (стр. 230–235). Особенно важным научным результатом является вывод о том, что в преддверии активной фазы «Большой игры» историография Памира приобретает инструментальную функцию: описания территории используются как обоснование политических притязаний, что существенно искажает реальную историко-культурную картину региона (стр. 236–239).

Итак, глава IV демонстрирует глубокую эрудицию автора, его способность выявлять и анализировать разнородные источники, а также формулировать самостоятельную, аргументированную позицию в отношении их научной ценности и степени достоверности. В структуре всей диссертации данная глава играет ключевую роль как мост между средневековой и новой историей, показывая переход от традиционной хроникальной культуры к инструментализированной колониальной науке. Особо следует отметить: критическую интерпретацию миссионерских и путешественнических источников; исследование малоизученных хроник таджикской и персидской традиции; ясную методологическую линию, направленную на выявление историографических лагун и идеологических искажений.

Глава пятая «Историография Памира и Бадахшана конца XIX – начала XX вв.» (стр. 247–405) представляет собой заключительную часть диссертационного исследования, в которой последовательно раскрывается

формирование академической историографии Памира и Бадахшана в условиях «Большой игры», усиления российского геополитического интереса к региону, а также формирования национальной историографической традиции. Здесь авторская задача — выявить особенности, тенденции и идеологические векторы трактовки региона в дореволюционной, миссионерской и военно-стратегической литературе.

Диссертант аргументировано утверждает, что историческая картина Памира и Бадахшана в этот период была в значительной мере сконструирована через призму колониальной парадигмы. Основное внимание уделено анализу трудов представителей российской военной и академической элиты: Н.И. Гродекова, Д.Л. Иванова, В.Л. Виткевича, А.Ф. Гейкеля, Н.М. Пржевальского, Н.Н. Михайлова и других. На основании документального материала (в т.ч. архивных отчётов, военно-статистических описаний, картографических экспедиций), автор демонстрирует, как политико-стратегические интересы Российской империи оформлялись в историографические нарративы, подчинённые задачам обоснования прав на территорию (стр. 248–257).

Важным вкладом автора является критический разбор методологических установок русской военной историографии, которая, по его мнению, не просто регистрировала факты, но активно участвовала в их формировании как средство легитимации колониального присутствия (стр. 258–260).

В главе автор анализирует трактовку одного из ключевых исторических сюжетов — процесса установления российской юрисдикции над Восточным Памиром. Привлекая материалы Комитета Восточной Азии, статьи из «Туркестанского вестника», донесения Пограничной комиссии и доклады Генерального штаба, диссертант показывает, как история региона была вплетена в общий дискурс миссии России в Центральной Азии (стр. 290–299). Он демонстрирует, что ряд авторов, таких как И.Я. Коростовец, П.К. Услар, Г.А. Аршавский, стремились акцентировать идею мирного присоединения и согласия местного населения, в то время как другие — например, П.И. Мищенко и А.Н. Куропаткин — указывали на её военный и политический характер (стр. 300–308). Пирумшоев М.Х. делает важный вывод о том, что в дореволюционной историографии отсутствовала единая концепция интеграции Памира в состав Российской империи — интерпретации варьировались в зависимости от ведомственной принадлежности, политических задач и позиции автора (стр. 312–315). Автор уделяет особое внимание деятельности научных экспедиций, имевшим целью не только сбор этнографических и географических данных, но и создание культурного образа региона. Особое внимание уделено деятельности Н.Ф. Петровского, А.Е. Регеля, Б.Л. Гафурова, Н.И. Веселовского, А.Ф. Романова и других исследователей, участвовавших в

памирских экспедициях конца XIX века (стр. 342–349). Диссертант справедливо отмечает, что именно в этот период происходит научное «открытие» Памира, и формируется его образ как «пограничной цивилизации» — изолированной, но в то же время ключевой для понимания древней истории Центральной Азии. Этнографические данные используются для обоснования единства культурной истории таджикского и памирского населения (стр. 350–358). Исследователь подчёркивает, что данные экспедиций в последующем широко использовались в академических и образовательных публикациях, в том числе в «Туркестанском сборнике», что определило развитие ориенталистики в Российской империи.

Диссертант завершает главу анализом первых попыток осмысления истории региона в контексте становления таджикской исторической науки. Особое внимание уделено трудам С. Ахмадова, С. Юсуфбекова, Б. Тагоева, А. Мирбобоева, где предпринимается попытка преодоления имперской и колониальной интерпретации прошлого (стр. 370–380). Автор показывает, что эти ранние историографические попытки, несмотря на концептуальную незрелость, сыграли роль в формировании национального взгляда на прошлое Памира как неотъемлемой части исторического пространства Таджикистана. Это, в свою очередь, стало идейной основой для более системных исследований, развернувшихся в советскую эпоху (стр. 388–395).

Итак, глава V представляет собой блестящий образец историографического анализа, в котором диссертант: выявляет идеологические установки исследователей; классифицирует труды по ведомственному и методологическому признаку; даёт многослойную интерпретацию исторического знания как продукта власти и научной практики. С методологической точки зрения, глава отличается высоким уровнем источниковой критики, способностью автора не только реконструировать нарратив, но и деконструировать его с целью выявления скрытых смыслов и политических ангажированностей. Глава завершает логическую траекторию исследования, демонстрируя переход от внешнеэкспедиционного к внутреннему национальному взгляду на историю Памира и Бадахшана.

В заключении диссертации формулируются основные выводы и обобщения, полученные в ходе исследования, а также намечаются перспективы дальнейшего изучения историографии Памира и Бадахшана.

Представленный список использованных источников и литературы включает обширный перечень отечественных и зарубежных источников и научных трудов, что подтверждает глубину и основательность исследования.

Диссертационное исследование, позиционирующее себя как фундаментальный обзор многовековой историографии Памира и Бадахшана,

несёт на себе важную миссию — не только систематизировать накопленные знания, но и продемонстрировать, где именно существует научный пробел, недостаток аналитической глубины или отсутствует мультиперспективность. В этом контексте целесообразным представляется выделить ряд конкретных аспектов, которые, по мнению рецензента, требуют дальнейшего концептуального, методологического или источниковедческого уточнения. Каждый из них будет сопровождаться научно аргументированной рекомендацией, направленной на устранение выявленных ограничений в перспективе последующих исследований.

1. Ограниченность сравнительного историографического анализа на макрорегиональном уровне. Диссертация сосредоточена преимущественно на восточной (арабо-персидской, китайской) и русской дореволюционной традициях историографии. При этом отсутствует системное сопоставление с западноевропейской и южноазиатской научной традицией (например, британской ориенталистикой, индийской историографией по Афганистану и северной Индии).

В перспективе необходимо расширить сравнительный анализ, включив труды западных исследователей XIX – начала XX вв. (например, Э. Гибб, Р. Шлеманн, Дж. Элфинстон и др.), которые затрагивали Афгано-Бадахшанский регион. Это поможет объективизировать интерпретацию роли Памира в более широком геополитическом и цивилизационном контексте.

2. Методологическая фрагментарность при анализе источников и историографических традиций. Хотя автор заявляет о применении сравнительно-исторического и источниковедческого методов, в ряде случаев отсутствует строгая методологическая градация между анализом источников и научной литературы. В отдельных разделах наблюдается смешение описания событий (по первоисточникам) и их историографического осмысления.

В дальнейших работах следует более чётко структурировать границы между первичными источниками (летописи, путевые заметки, хроники и пр.) и вторичными научными интерпретациями. Разделение этих пластов позволит добиться теоретической чистоты и упрочит научную аргументацию.

3. Недостаточная визуализация и картографическое сопровождение анализа. Несмотря на то, что в диссертации обсуждаются пространственные параметры и геополитическая динамика региона, практически отсутствуют картографические приложения, схемы маршрутов, границ и экспансий.

Рекомендуется в будущих публикациях сопровождать текстовые описания графическим материалом: историческими картами, маршрутами путешествий, схемами административного деления и очертаниями племенных

территорий. Это значительно усилит наглядность и аналитическую глубину исследования.

4. Упущение роли местной устной исторической традиции. В работе практически не анализируется фольклорная и устная историческая память, хотя в регионе Памира именно устная передача информации играла значительную роль в воспроизводстве идентичности.

Необходимо интегрировать методы устной истории в исследование, особенно для периодов слабо документированных в письменных источниках. Проведение полевых интервью, анализ устных хроник позволит в будущем дополнить письменную историографию и выявить элементы живой исторической традиции.

5. Слабая реконструкция социально-экономических процессов и повседневной жизни. Диссертация в основном сосредоточена на политико-дипломатических аспектах и трактовках исторических процессов. Мало внимания уделено социально-экономическим структурам, трансформации быта, хозяйства, локальной экономики, институтов управления.

В будущих исследованиях следует дополнить историографический анализ привлечением данных из археологии, исторической демографии, антропологии и аграрной истории. Это обеспечит более целостную картину жизни населения Памира в различные исторические эпохи.

6. Недостаточная интеграция критики постколониального дискурса. Хотя автор обоснованно критикует колониальные интерпретации, он не в полной мере использует современный постколониальный инструментарий (например, работы Эдварда Саида, Гаятри Спивак, Арджуна Аппадурая и др.) для анализа имперской нарративной конструкции Памира.

Рекомендуется активнее применять категориальный аппарат постколониальной теории для деконструкции имперских нарративов о регионе. Это позволит выявить не только механизмы исторической репрезентации, но и способы маргинализации локального знания.

При всей фундаментальности и академической зрелости диссертационного исследования, автору следует в дальнейшем: расширить компаративный анализ, включить в корпус изучения локальные, религиозные и устные традиции, визуализировать пространственные аспекты, применять современные междисциплинарные подходы и критические теории. Такие шаги повысят научную глубину, актуальность и универсальность исследования, а также усилят его значение как образца национальной историографической рефлексии о ключевом цивилизационном ареале таджикского мира — Памире и Бадахшане.

Вместе с тем, указанные замечания не снижают научной значимости работы, а, напротив, открывают горизонты для дальнейшего научного осмысления проблематики. Представленное исследование вносит существенный вклад в отечественную историческую науку и, несомненно, будет востребовано специалистами в области истории Центральной Азии, историографии и источниковедения, а также широким кругом читателей, интересующихся историей региона.

На основании вышеизложенного, считаю, что диссертация Пирумшоева Мунира Хайдаршоевича «Историография древней, средневековой и новой истории Памира и Бадахшана» полностью соответствует требованиям, предъявляемым Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации к диссертациям на соискание учёной степени доктора исторических наук, а её автор в полной мере заслуживает присуждения искомой учёной степени по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Доктор исторических наук, профессор
кафедры истории таджикского народа
Таджикского национального университета
01.08.2025 г.

М.Ф. Зикриёева

Подпись д.и.н., профессора Зикриёевой
Малики Файзиевны подтверждаю
Начальник отдела кадров ТНУ

Э.Ш. Шодихонзода